

Вячеслав Рыбаков

Первичные действия населения и администрации в случаях совершения правонарушений по законам китайской династии Тан

1

В сборнике сохранившихся общеобязательных установлений династии Тан (618–907), составленном Ниидой Нобору, в разделе «Общеобязательные установления о задержании беглых» то, как надо совершать розыск и поимку, описывают лишь немногочисленные фрагменты, да и те в основном взяты как раз из танского уголовного кодекса «Тан люй шу и» (653 г.), поскольку не сохранились более нигде.

Из одного из этих установлений мы можем узнать следующие подробности: «Всякий раз, когда арестант, воин-призывник, боец пограничной стражи, ссыльный или выселенный из волости [за проступок] совершили побег или вознамерились вступить в разбойники, через ближайшее официальное учреждение подается заявление. Тогда те, в чьем ведении [находится] местожительство семьи переселенного или беглого, а также ближайšie к месту побега округ и уезд, [организуют] преследование и поимку. По месту получения доноса [отправляют] вниз в волость, село, деревню и [пятидворку взаимной] ответственности, [в которую входит семья беглеца], приказ о расследовании и задержании. Если не [удалось] сразу схватить, обращаются [в учреждение, в чьем] ведении изначально находился [беглец] [согласно находящимся в распоряжении этого учреждения сведениям], составляют документ с [описанием] возраста и внеш-

них примет, по которому [беглеца] можно было бы опознать, и пересылают в контрольный отдел [Судебной части] для неперемного [осуществления] расследования и задержания. В день поимки пересылают [пойманного беглеца] в соответствующее учреждение для вынесения приговора. Оттуда, где он был упущен, и оттуда, где он был пойман, направляют [донесения] в Правительствующий надзор. Если ловили 3 года и не схватили, [поиски] прекращают»¹.

По поводу же преступлений иных, нежели просто побег, сказано следующее:

«Всякий раз, когда имели место хищение или разбой, нанесение [кому-либо] телесного повреждения или убийство, об этом немедленно доносят ближайшему ответственному официальному лицу деревни, квартала, земледельческого поселения или почтовой станции. По месту получения доноса отправляют ближайших армейских военнослужащих и совершеннолетних тяглых, чтобы, [начав] от места, где преступление открылось, преследовать и схватить [преступника]»².

Значит, исходной точкой организации преследования или розыска могла послужить любая ближайшая официальная инстанция, вплоть до почтовой станции; в некоторых местностях их начальники были единственными представителями государства на много *ли* вокруг. К преследованию и поимке привлекались как военные ближайших гарнизонов, так и гражданские податные взрослые мужчины из окрестных населенных пунктов, а то и, если преступление было совершено в городе, того квартала, где было обнаружено злодеяние.

Особые процедуры, как это, собственно, бывает всегда и везде, предусматривались для ситуаций, когда донос подавался о каком-либо «секретном» деле. Прежде всего тут имелись в виду, конечно, антигосударственные преступления.

«Всякий раз, когда человек доносит о секретном [деле], донос всегда проходит через старшего чиновника данного места. Если старший чиновник занят, донос проходит через непосредственно подчиненного начальнику чиновника. Всякий раз, когда старший чиновник и непосредственно подчиненный ему чиновник оба осведомлены о секретном [деле], они направляют обвинительные сообщения в соседние инстанции. Если необходимо произвести внезапные аресты, то полагается, взаимно обмениваясь сведениями с остальными [причастными] округами, повсеместно в соответствии с обстоятельствами произвести задержания. Если дело квалифицируется как Умысел Измены или тяжелее, [с гонцом] на почтовых подается докладная записка. Если, донося об Умысле Измены или тяжелее, [доноситель] не соглашается говорить о сути дела, его на почтовых под контролем препровождают в столицу. Арестанты, совершившие наказуемые смертной казнию преступления, бойцы пограничной стражи из окраинных округов и гарнизонов, равно как люди, совершившие преступления, наказуемые ссылкой, если доносят о тайных [делах], не входят в [число] тех, кого отправляют [в столицу]»³.

За потерпевшими признавалась невозбранная возможность самим инициировать расследование и разбирательство.

Семья, если кто-то из членов ее оказался жертвой убийства или ограбления, а также если что-то из ее имущества оказалось украдено, была обязана обратиться в вышестоящие инстанции с доносом. Аналогичная обязанность возлагалась и на главу той пятидворки взаимной ответственности, к которой данная семья принадлежала⁴. В данном случае под вышестоящими инстанциями имелись в виду неофициальные власти, стоявшие непосредственно над семьями и пятидворками: сельские деревенские либо квартальные исправники. Если данная семья и вообще члены всей данной пятидворки были стары и слабы настолько, что сами не могли подать донос, либо там просто не было мужчин старше 16 лет (закон обязан предусматривать и достаточно маловероятные обстоятельства, чтобы не оставалось лазеек для уклонения от его исполнения), инициатива вменялась в обязанность ближайшей соседней пятидворке. А уж местное нечиновное начальство двигало дело дальше по инстанциям и сообщало о произошедшем в ближайшую официальную инстанцию⁵.

Как обычно, когда законом предоставлялись какие-то возможности, ни о каком «праве» подать донос тут и речи не было — просто так полагалось. Это была социальная обязанность, священный долг, и за его невыполнение предусматривалось наказание. Ровно на том же основании подлежали наказанию и официальные инстанции, получившие донос, но не принявшие по нему надлежащих мер, — это было уже в чистом виде невыполнение служебных обязанностей, должностная недобросовестность, за что нерадивым государственным служащим абсолютно правомерно грозила уголовная ответственность.

Донос об инциденте надлежало подавать незамедлительно. Если кто-либо из членов некоей семьи был убит или подвергся ограблению, т. е. отъему имущества с применением силы или угрозы ее применения, а глава семьи и глава пятидворки, в которую данная семья входила, не подавали доноса об этом своему исправнику (сельскому или квартальному), то, как только истекал 1 полный день (сутки) с момента инцидента, и тому, и другому полагалось наказание 60 ударами тяжелыми палками⁶.

Если получивший донос исправник не передавал его наверх, официальным властям в течение суток с момента получения, ему полагалось уже 80 ударов тяжелыми палками, а если задержка увеличивалась до 3 суток, то и наказание увеличивалось до 100 ударов. При этом статья подчеркивает: при расчете срока промедления следует учитывать время, потребное для пересылки доноса в уездный центр соответственно установленным законодательно нормативам движения⁷. Значит, опоздание высчитывалось относительно расчетного времени поступления донесения в надлежащую высшую инстанцию, скажем, на почтовую станцию. Быстрый гонец мог, в таком случае, в той или иной степени компенсировать нерасторопность сельского исправника. Однако при подаче доноса от потерпевших исправнику, фактически — от соседа соседу, внутри деревни или внутри квартала, этот номер, надо полагать, не прошел бы. Тут сутки были именно сутками с момента инцидента, а не с момента расчетного времени поступления документа адресату.

Если преступление заключалось всего лишь в осуществленном без применения силы и без возникновения угрозы жизни тайном воровстве, наказания уменьшались на 2 степени, т. е. главе семьи и главе пятидворки за суточное и более промедление в подаче доноса полагалось 40 ударов легкими палками, исправникам за суточное и более промедление — 60 ударов тяжелыми палками, а за трое суток и более — 80 ударов. Надо думать, тут исходным моментом следовало считать не момент осуществления кражи, а скорее момент ее обнаружения. Вряд ли закон мог требовать полной синхронности обоих моментов; тайное взятие по определению могло быть обнаружено хозяином похищенного имущества не сразу.

Официальная инстанция, получившая донос, тоже подлежала наказанию за промедление, однако понятие промедления применительно к государственным органам принципиально менялось. Монополия государства на насилие здесь проявлялась в том, что простолюдины, как рядовые лично свободные, так и их нечиновное местное начальство (главы пятидворок, исправники) могли только жаловаться государству. А вот учреждение, куда поступил «сигнал» из народа, обязано было незамедлительно отреагировать не просто составлением очередной бумаги, но осуществлением адекватных действий по восстановлению справедливости.

«Если ответственные власти не начали расследования и не осуществили поимки и задержания, либо отказались и уклонились, за 1 день [задержки] наказание — 1 год каторги. ...Имеется в виду, что ближайшие ответственные власти, получив донос, не начали расследования и не осуществили поимки и задержания, либо отправили [дело] в ближайший округ, уезд, военный округ, пограничный гарнизон, корпус [ополчения] или управление, или же отговорились, сославшись на другие дела»⁸.

Увеличения тяжести наказания соответственно росту срока промедления не предусматривалось: за полные сутки — 1 год каторги, и, скажем, за десять суток, очевидно, — тот же 1 год. Закон, казалось, говорил: действовать надо либо немедленно, либо уж как знаете, но пеняйте на себя.

Данное наказание грозило первичной официальной инстанции, если речь шла об убийстве или ограблении. Если донос был о факте всего лишь воровства, наказание и тут уменьшалось на 2 степени, и за первые же полные сутки инертного поведения или увиливания от исполнения обязанностей полагалось 90 ударов тяжелыми палками.

Монополия государства на насилие не была тотальной. Закон, предписывая официальным инстанциям максимальную расторопность, в то же время старался разгрузить их от тех мелочей, с которыми могли справиться и сами подданные. Нечиноვნым местным жителям предоставлялась возможность самим пресекать творящиеся безобразия, если только преступное действие становилось явным в самый момент совершения и у рядового населения хватало сил и средств для противодействия.

Как всегда в случаях предоставления нечиновным гражданским лицам той или иной инициативы, не приходится говорить о предоставлении «права» — ибо за неиспользование этого «права», т. е. за неисполнение общественного долга, полагалось наказание. Скорее надо говорить о «возможности-обязанности».

Выше уже отмечались особые обязанности по взаимному удержанию друг друга «от дурного», которые возлагались на членов соседских четырехдворок и пятидворок взаимной ответственности. Однако при экстраординарных событиях долг оказания помощи возлагался и на всё село.

«Всякий раз, когда [кого-либо из] соседей или односельчан грабят или убивают, тот [сосед или односельчанин], кому было сообщено [о происходящем] и кто не оказал помощи, наказывается 100 ударами тяжелыми палками. Тот, кто слышал и не оказал помощи, получает наказание, уменьшенное на 1 степень»⁹.

То есть если кто-то прямо по месту жительства или близ него подвергся грабежу или покушению на убийство, он ли, или кто-то из членов его семьи первым делом должны были постараться сообщить о происходящем ближайшим соседям. Если соседи не откликнулись на призыв о помощи, они (вероятно, речь идет в первую очередь о главах семей, на которых обычно возлагалась ответственность за поведение всей семьи) подлежали наказанию 100 ударами тяжелыми палками. Если призыва о помощи не было (понятно, что в экстренных обстоятельствах не всегда можно послать кого-то к соседям), но в то же время происходящее сопровождалось, например, криками, звуками ударов или борьбы, которые были вполне слышны в ближайших окрестностях, но соседи всё же уклонились от оказания помощи, наказание становилось равным 90 ударам тяжелыми палками. Косвенная информация о том, что необходима помощь, расценивалась на 1 степень менее взывающей к действию, нежели прямая.

Могло оказаться так, что соседи были не в состоянии прийти на выручку по объективным причинам — скажем, призыв о помощи или звуки, свидетельствующие о необходимости оказать ее, достигли лишь двора, где не было совершеннолетних мужчин. В «Тан люй шу и» говорится:

«...Имеется в виду, что разбойники были сильны, а людей было мало, или что [люди] были стары, малы, истощены или немощны...»¹⁰

Тем не менее, даже эти люди не могли остаться в стороне. Им вменялось в обязанность по крайней мере незамедлительно уведомить о происходящем ближайшую официальную инстанцию. Если это не было сделано, ответственность возлагалась та же, что и за неоказание помощи: 100 ударов тяжелыми палками, если кто-то из подвергшихся насилию прямо обратился к ним, и 90 ударов тяжелыми палками, если прямого обращения не было, но звуки происходящего были слышны.

А вот получивший сигнал бедствия облеченный властью человек, включая квартальных или сельских исправников, начальство почтовых станций или земледельческих поселений, если не принимал немедленных мер к пресечению творящегося в настоящий момент преступления, подлежал наказанию уже

1 годом каторги. Как всегда, когда речь шла о поддержании порядка среди населения, об обеспечении законности, официальные лица несли повышенную ответственность по сравнению с рядовыми простолюдинами и карались за нерасторопность и неисполнительность строже.

Происходящее безобразия не обязательно должно было быть связано с прямым насилием. Речь могла идти просто о вовремя замеченной в процессе совершения или только что совершённой краже. В этих обстоятельствах члены обворованной семьи также могли обратиться за помощью к соседям, и те обязаны были ее каким-то образом оказать — а если не могли этого сделать, то хотя бы немедленно уведомить местные власти. Власти же должны были организовать немедленную поимку вора. Если что-либо из этого не делалось, т. е. социальная обязанность по оказанию взаимопомощи не исполнялась, наказание следовало определять уменьшением на 2 степени наказания, полагавшегося бы при данных обстоятельствах в случаях грабежа или покушения на убийство. То есть тот, кто получил призыв о помощи и не помог, подлежал 80 ударам тяжелыми палками, тот, кто слышал, что происходит неладное, и не помог, — 70 ударам тяжелыми палками, а официальное лицо, не организовавшее немедленной поимки вора, — 100 ударам тяжелыми палками.

2

Определяя тех, кто служил объектом операций по поимке и задержанию, соответствующая статья «Тан люй шу и» приводит близко к тексту уже цитированное выше общеобязательное установление, но расширяет перечень:

«Согласно общеобязательным установлениям о задержаниях и побегах, арестантов, воинов-призывников, бойцов пограничной стражи, людей, наказанных ссылкой или высланных из волости, если они совершили побег или пожелали вступить в разбойники, равно как [преступников, совершивших] разбой или хищение, либо убийство или нанесение телесного повреждения, всегда необходимо преследовать и задержать»¹¹.

Нерасторопность ответственных лиц, получивших донос снизу, по степени своей недопустимости и, следовательно, уголовной наказуемости не могла идти ни в какое сравнение с нерасторопностью лиц, получивших приказ сверху.

Операция по задержанию преступника или, тем более, преступников чревата была куда большими сложностями и неожиданностями, чем незамысловатая, рутинная передача или пересылка ближайшему начальству доноса или рапорта о случившемся правонарушении. Эта операция могла развиваться совершенно по-разному в зависимости от множества обстоятельств. Всё это разнообразие закон обязан был постараться учесть и предусмотреть для каждого варианта надлежащие степени виновности проштрафившихся лиц и соответствующие таким степеням карательные санкции.

Обращает на себя внимание то, что все эти санкции, для какого бы сценария они ни предусматривались, всегда рассчитывались исходя прежде всего из тяжести наказания преступника или преступников, которых согласно распоряжению сверху надлежало найти и поймать. Одни и те же неправомерные или неудачные действия лиц, отряженных для поимки злодеев, чреватые были для этих лиц совершенно различными наказаниями в зависимости от того, какое наказание полагалось самим злодеям, какого воздаяния за свои проступки они избежали, оказавшись не пойманными. Вина правоохранителя была производной от вины правонарушителя, с которым данный правоохранитель не совладал. Степень виновности потерпевшего неудачу преследователя определялась комбинацией двух параметров: его собственной неадекватностью, повлекшей за собой большие или меньшие успехи преступников в их попытке избежать законной и справедливой кары, и тяжестью самой этой кары. Дополнительная коррекция производилась соответственно служебному статусу преследователя.

Законом предусматривались три различных служебных статуса тех, кому возможно было доверить задержание совершивших побег преступника или преступников.

Во-первых, это могли быть непосредственно государственные служащие, находящиеся на реальных служебных должностях, причем здесь тоже вводилось уточнение: это могли быть и гражданские чиновники, и военные. С обычной дотошностью танский уголовный кодекс разъясняет:

«...Имеется в виду, что тот, кто в момент [получения приказа] занимал военную должность, являлся военнотружущим, а тот, кто занимал гражданскую должность, являлся гражданским чиновником»¹².

Во-вторых, аналогичный приказ мог быть, судя по тексту статьи, отдан и тем, кто не служил в данный момент. Таковые тоже подразделялись на две разновидности. Это могли быть кадровые чиновники, в данный момент не служащие и проживающие дома, — например отработавшие в прежней должности положенный срок и ожидающие возможности принять участие в отборочных экзаменах на должность, в которой им захотелось бы продолжить службу. И это могли быть люди, не относящиеся к бюрократии, но в бытность свою на армейской службе выслужившие ту или иную наградную должность¹³.

О людях обеих этих категорий в кодексе сказано:

«Если временно был уполномочен окружной или уездной [администрацией] возглавить людей для преследования и задержания...»¹⁴

Это, по сути, единственное прямое упоминание о том, что имеется в виду не столько единолично осуществляемый арест, сколько групповая операция.

И в-третьих, это могли быть некие лица, не являющиеся кадровыми военными или гражданскими чиновниками, но по каким-то причинам на индивидуальной основе назначенные для проведения операции по поимке (или руководства ею, если операция была коллективной) специальным высочайшим распоряжением.

По уровню ответственности и, следовательно, по степени виновности в случае неправильных действий третьи приравнивались к первым (спецназначенные, как водится, накладывало спецответственность); вторым, поскольку они не служили в данный момент и притом не удостоились спецназначения, косвенным образом предоставлялись некие послабления, и потому, если что-то шло не так, их наказывали несколько легче.

По получении приказа осуществить погоню и задержание преступника или преступников лица любой из этих категорий могли действовать вполне безупречно, и тогда никакой разницы между ними закон не усматривал. Ведь результат был одним и тем же: приказ выполнен, преступник схвачен.

Нарушения закона, которые могли быть совершены в процессе исполнения приказа, были более разнообразны.

Во-первых, как предусмотрительно предполагает закон, любой из получивших приказ мог начать мешкать или уваливать от его исполнения, сказываясь большим или ссылаясь на какие-то иные препятствующие немедленному отправлению обстоятельства. Подразумевалось, что уловки были сознательными и обманными. Если невозможность исполнения была объективной, виновность не наступала.

Наибольшее разнообразие предсказуемых в законе ситуаций относилось к моменту столкновения преследователей с преследуемыми. Вторым основным критерием корректировки степени виновности организатора поимки, помимо отнесения его к той или иной из трех категорий служебного статуса, была степень успешности действий.

Вообще говоря, законодатели явно считали нормой многочисленность одновременно преследуемых преступников; речь в законе идет скорее о массовых побегах или коллективных разбойных поползновениях, нежели о погоне за одиноким вором. Ибо ситуация непосредственного столкновения правоохранителей с правонарушителями подразделяется на подвиды исключительно по критерию соотношения сил преследователей с силами преступников.

Соотношение сил могло быть, согласно тексту кодекса, двояким: либо «людей и оружия было достаточно и они не уступали [силам преступников]», либо «люди и оружие уступали [силам преступников]» — имеется в виду, что «злодеев было много, а солдат мало, или что ...военное снаряжение и оружие уступали [тем, что имелись у преступников]»¹⁵.

Если в любой из этих двух ситуаций преследователи сумели одолеть преследуемых и схватить их, то опять-таки никаких вариаций не предусматривалось: приказ выполнен, преступники схвачены, результат однозначен, говорить больше не о чем, ибо всё произошло так, как надлежит.

Однако неудачи в зависимости от ситуации расценивались по-разному.

Если служащий военный или гражданский чиновник не приступил к выполнению задания немедленно, равно как если, хоть и выступил без проволочек, хоть и настиг преступника, но при условии достаточности сил и средств

не вступил в схватку, а отступил, ему полагалось наказание на 1 степень более легкое, чем самому преступнику. То есть если руководитель операции догнал преступников, но, хотя и обладал достаточными ресурсами, уклонился от попытки захватить преследуемых силой, он считался столь же виноватым, как если бы вообще не выступил в погоню.

Это значит, что, например, если преступник заслуживал смертной казни, недобросовестному преследователю в обоих этих случаях (не выступил вовремя либо выступил, но при условии достаточности сил отступил без схватки) полагалась ссылка на 3000 *ли*. Уместно вспомнить, что ровно так же, на 1 степень, уменьшалось наказание по сравнению с главарем его сообщникам при групповых преступлениях¹⁶.

Если же в условиях достаточности сил руководитель поимки всё же не струсил сразу, а сразился, но без успеха отступил, наказание ему уменьшалось по сравнению с преступником на 2 степени (в нашем примере — до 3 лет каторги).

Ровно так же определялось наказание за аналогичные действия тому, кто хоть и не был служащим гражданским либо военным чиновником, был назначен провести данную поимку высочайшим распоряжением.

Если же руководить преследованием уездная или окружная администрация назначила того, кто в данный момент не занимал реальной должности, а, будучи кадровым чиновником без текущего назначения, пребывал дома, либо того, кто имел лишь наградную должность, наказание в обеих ситуациях уменьшалось на 1 степень по сравнению со служащими чиновниками либо спецназначенцами. То есть если преступник заслуживал смерти, преследователю, не выступившему вовремя либо отступившему без схватки, полагалось наказание не ссылкой на 3000 *ли*, а 3 годами каторги; преследователю, схватившемуся с преступником или преступниками, но не одолевшему их, полагалось не 3 года каторги, а 2,5.

В обстоятельствах недостаточности сил тоже было два варианта развития событий: преследователь мог не сразиться и отступить, побоявшись связываться с превосходящими силами злодеев, а мог сразиться и, истощив все силы и все уловки, осознав невозможность дальнейших действий по исполнению приказа, тоже без успеха отступить.

Если преследователь, реально служащий в момент проведения операции либо назначенный специальным распоряжением, в этой ситуации уклонился от столкновения, он подлежал наказанию, уменьшенному на 3 степени относительно наказания, полагающегося преступнику (в нашем примере — 2,5 года каторги). Если руководил поимкой чиновник, не находящийся в данное время на должности, либо простолюдин, имеющий наградную должность, ему за аналогичное уклонение от попытки выполнить приказ опять-таки полагалось наказание, уменьшенное на 1 степень относительно полагавшегося бы служащему чиновнику или спецназначенцу, т. е. в нашем примере — 2 года каторги.

Как служащих, так и не служащих, если они в условиях недостаточности сил и средств всё же рискнули напасть на преступника или преступников, но, исчерпав все возможности, не смогли их одолеть и в конце концов отступили, за неудачу не наказывали.

Однако этими вариантами развития событий разнообразие предусмотренных законом коллизий далеко не исчерпывалось.

«Если в течение 30 дней смогли сами задержать преступников и поймать половину или более, либо пусть хотя бы и не половину, но того, кому полагалось наиболее тяжелое наказание, всем, [кто преследовал, полагающееся им] наказание отменяется. Даже если преступников задержал 1 человек, остальные также подпадают [под действие этой нормы]»¹⁷.

Фактически здесь еще раз подтверждается, что ловля одинокого преступника была если и не исключением, то уж всяко лишь частным случаем обобщенной ситуации. И преступников могло быть несколько, а то и много, и преследователей могло быть несколько, а то и много.

Коль скоро в данном предписании содержится упоминание о принципиальной важности преступника, которому полагается самое суровое наказание из всех беглецов, мы можем заключить, что именно от этого самого тяжелого наказания и следовало отсчитывать уменьшение по степеням тех наказаний, которые полагались преследователям. Если в бега одной компанией ударились убийца, мелкий воришка и, скажем, деревенский дебошир, в драке сломавший палец соседу, кары недобросовестным служителям закона следовало отсчитывать, надо полагать, именно относительно убийцы.

Второе умозаключение более проблематично, более гадательно.

Творцы «Тан луй шу» не позаботились хотя бы намекнуть, как распределить наказания среди многочисленных преследователей. В начале статьи речь идет о тех государственных служащих или уподобленных им лицах, которым поручено преследовать и ловить преступников; в разъяснении мельком упоминается о том, что они должны были «возглавлять людей для преследования и задержания». В только что процитированной фразе говорится о том, что если хотя бы кто-то из осуществлявших задержание и потерпевших неудачу смог затем в течение 30 дней исправить ситуацию, и он, и все остальные, участвовавшие в неудачном задержании, освобождались от наказания. Значит, если бы ситуация не была исправлена, наказаны оказались бы все преследователи — иначе понять данную фразу невозможно. Но не укладывается в голове, что всем им грозило наказание одной и той же строгости — и государственному служащему, уполномоченному организовать поимку, и его подчиненным. Остается предположить, что в приводимой в статье схеме (уменьшение на 1 степень, на 2 степени и пр.) речь идет именно о вычислении наказания для лидера, для ответственного лица, для возглавлявшего поимку чиновника или приравненного к чиновнику персонажа. А остальным преследователям, тем, кого он возглавлял и вел, наказание уменьшалось, вероятно, как соучастникам, т. е. на 1 степень по сравнению с главарем.

Еще одна специфическая льгота была обусловлена высочайшим пиететом по отношению к внутрисемейным связям, а по сути — мощно содействовала их укреплению и цементированию родственной солидарности.

Танские законы предоставляли близким родственникам возможность укрывать один другого в случае совершения кем-либо из них уголовных преступлений (за исключением прямо антигосударственных). Круг родственников, которым подобное поведение буквально «вменялось в право», определялся механикой «взаимного укрывательства» (*сянжунбинь*); за неисполнение обязанности скрывать от властей преступного родственника и донос на него полагались наказания, сильно варьиовавшиеся в зависимости от степени родства и соотношения возрастов и поколений. Домашние лично зависимые также не несли ответственности за сокрытие преступлений хозяев. Пребывание в кругу *сянжунбинь* налагало и иные возможности-обязанности, в частности — применительно к данной ситуации. Если кто-либо из родственников, входивших в круг *сянжунбинь* с неудачливым оперативником, либо кто-то из домашних лично зависимых, принадлежавших его семье, смог задержать скрывшегося преступника, вина с провалившего задание чиновника или нечиновного главы операции снималась совершенно¹⁸. Эта льгота действовала, пока за срыв задержания не был вынесен приговор — т. е. и в течение первых 30 дней после неудачи, и, что более существенно, после истечения этих 30 дней вплоть до определения приговора. Как мы видели, если то же самое совершал человек, посторонний тому, кто упустил преступника, наказание ему, этому упустившему, хоть и уменьшенное на 2 степени, всё же полагалось. А вот родственник или домашний лично зависимый мог, пока не состоялось решение суда, спасти родственника или хозяина от наказания за провал операции полностью.

¹ *Нишда Нобору*. То рё сю и (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964. С. 728.

² Там же. С. 729.

³ Там же. С. 778. Наиболее тяжкими антигосударственными преступлениями по танскому закону считались: Умысел Восстания против правящего императора; Умысел Великой строптивости; Умысел Измены, т. е. намерение «отвернуться от правящего дома, или предаться стране дальних варваров, или сдать город и стать соучастниками самозванцев, или бежать со [своей] земли...» Тем более тяжкими считались попытки начать реализацию подобных умыслов.

⁴ «Сто дворов — село. Пять сел — волость... Четыре семьи — соседи. Пять семей — [пятидворка взаимной] ответственности. В пятидворке имеется старший. [Это для того, чтобы] все они взаимно удерживали друг друга [от дурного]» (Тан лю дянъ (Шесть уложений Тан). URL: http://gsgy.fudan.edu.cn/daodu/tangliudian_content.htm. Цз. 3, разд. *хубу ланчжун*).

⁵ Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотека-серия). Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939. Ст. 360; Уголовные установления

- Тан с с разьяснениями (Тан луй шу и) / Пер. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 17–25. СПб., 2005. С. 298–299.
- ⁶ Шкала основных наказаний по танскому праву состояла: из пяти разновидностей наказания легкими палками (10, 20, 30, 40 и 50 ударов); пяти разновидностей наказания тяжелыми палками (60, 70, 80, 90 и 100 ударов); пяти разновидностей наказания каторгой (1 год, 1,5, 2, 2,5 и 3 года работ); трех разновидностей наказания ссылкой (ссылка на 2000, на 2500 и на 3000 *ли*, где *ли* — ок. 560 м); двух разновидностей наказания смертью (удавление и обезглавливание). Эти наказания группировались по степеням тяжести, которые в основном повторяли разбивку по разновидностям.
- ⁷ «Время, отведенное на путь, — согласно общеобязательным установлениям, при езде на лошади [полагается преодолевать] 70 *ли* в день, при езде на осле или при ходьбе пешком — 50 *ли*, при езде на повозке — 30 *ли*. Время, [отведенное на путь] по воде, [при движении] по Янцзы, или Хуанхэ, или другим рекам, вниз или вверх по течению, во всех случаях не одинаково. Кроме того, поскольку скорость при езде на повозке, на лошади и при ходьбе человека пешком не одинакова, [в ситуациях] совместного движения всегда [определяют] срок [прибытия], исходя из [скорости самого] медленного [средства передвижения]» (Тан луй шу и (Уголовные установления Тан с разьяснениями). Шанхай, 1936–1939. Ст. 25; Уголовные установления Тан с разьяснениями (Тан луй шу и) / Пер., введ. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб., 1999. С. 164). См. также: *Ниуда Нобору*. То рё сю и. С. 602–603.
- ⁸ Тан луй шу и (Уголовные установления Тан с разьяснениями). Шанхай, 1936–1939. Ст. 360; Уголовные установления Тан с разьяснениями (Тан луй шу и). Цзюани 17–25. СПб., 2005. С. 299.
- ⁹ Тан луй шу и (Уголовные установления Тан с разьяснениями). Шанхай, 1936–1939. Ст. 456; Уголовные установления Тан с разьяснениями (Тан луй шу и) / Пер. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 26–30. СПб., 2008. С. 130.
- ¹⁰ Тан луй шу и (Уголовные установления Тан с разьяснениями). Шанхай, 1936–1939. Ст. 456; Уголовные установления Тан с разьяснениями (Тан луй шу и). Цзюани 26–30. СПб., 2008. С. 131.
- ¹¹ Тан луй шу и (Уголовные установления Тан с разьяснениями). Шанхай, 1936–1939. Ст. 451; Уголовные установления Тан с разьяснениями (Тан луй шу и). Цзюани 26–30. СПб., 2008. С. 116; *Ниуда Нобору*. То рё сю и. С. 728. В приводимом Ниудой Нобору тексте отсутствуют «[преступники, совершившие] разбой или хищение, либо убийство или нанесение телесного повреждения».
- ¹² Тан луй шу и (Уголовные установления Тан с разьяснениями). Шанхай, 1936–1939. Ст. 451; Уголовные установления Тан с разьяснениями (Тан луй шу и). Цзюани 26–30. СПб., 2008. С. 116.
- ¹³ Об отборочных экзаменах см.: *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. Ч. 1. Генезис и структура. СПб., 2009. С. 151. О наградных должностях см.: Там же. С. 103.
- ¹⁴ Тан луй шу и (Уголовные установления Тан с разьяснениями). Шанхай, 1936–1939. Ст. 451; Уголовные установления Тан с разьяснениями (Тан луй шу и). Цзюани 26–30. СПб., 2008. С. 118.
- ¹⁵ Тан луй шу и (Уголовные установления Тан с разьяснениями). Шанхай, 1936–1939. Ст. 451; Уголовные установления Тан с разьяснениями (Тан луй шу и). Цзюани 26–30. СПб., 2008. С. 117.
- ¹⁶ «Когда преступление совершается совместно, тот, кто подал мысль, рассматривается как главарь. Последовавшим за ним соучастникам наказание уменьшается на 1 степень» (Тан луй шу и (Уголовные установления Тан с разьяснениями). Шанхай, 1936–1939. Ст. 42; Уголовные установления Тан с разьяснениями (Тан луй шу и). Цзюани 1–8. СПб., 1999. С. 237).
- ¹⁷ Тан луй шу и (Уголовные установления Тан с разьяснениями). Шанхай, 1936–1939. Ст. 451; Уголовные установления Тан с разьяснениями (Тан луй шу и). Цзюани 26–30. СПб., 2008. С. 117–118.

- ¹⁸ Тан луй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Шанхай, 1936–1939. Ст. 455; Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан луй шу и). Цзюани 26–30. СПб., 2008. С. 129.

References

NIIDA NOBORY. *To ryo syu i (Sobranie sohranivshisya obshheobyazatel'ny'h ustanovlenij Tan)* [The T'ang Statutes Re-collected. In Chinese and Japanese]. Tokio, 1964.

RYBAKOV V. M. *Ohrana gosudarstvennoj tajny v tanskom ugovornom prave // Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae. Tom XLVI, chast' 2 / Rossijskaya akademiya nauk. Institut vostokovedeniya* [The protection of state secrets in the T'ang criminal law // Society and State in China. Vol. XLVI, part 2 / Russian Academy of Science. Institute of Oriental Studies. In Russ.]. Moscow, 2016. S. 183–198.

RYBAKOV V. M. *Prelomlenie morali v prave: mehanizm "sian`-zhun-in" // Ugovolny'e ustanovleniya Tan s raz`yasneniyami (Tan lyuj shu i) / Per. i komment. V. M. Rybakova. Czyuani 26–30* [Reflection of Moral in Law: the "xiang-jung-yin" mechanism // The T'ang criminal regulations with explanations. (T'ang lü shu yi) / Transl. with Comments by V. Rybakov. Chüan 26–30. In Russ.]. St. Petersburg, 2008. S. 354.

RYBAKOV V. M. *Tanskaya byurokratiya. Chast' 1. Genezis i struktura* [The T'ang Bureaucracy. Part 1. Genesis and Structure. In Russ.]. St. Petersburg, 2009.

Tan lyu dyan` (Shest' ulozhenij Tan) [The Six T'ang Codes. In Chinese]. URL: http://gsgy.fudan.edu.cn/daodu/tangliudian_content.htm. (date of access – 01.03.2019).

Tan lyuj shu i (Ugovolny'e ustanovleniya Tan s raz`yasneniyami) // Czunshu czzichen (Biblioteka-seriya) [The T'ang Code with Explanations // Ts'un-shu chi-cheng (Seria-library). In Chinese]. T. 775–780. Shanhaj, 1936–1939.

Ugovolny'e ustanovleniya Tan s raz`yasneniyami (Tan lyuj shu i) / Per. i komment. V. M. Rybakova. Czyuani 1–8 [The T'ang criminal regulations with explanations. (T'ang lü shu yi) / Transl. with Comments by V. Rybakov. Chüan 1–8. In Russ.]. St. Petersburg, 1999.

Ugovolny'e ustanovleniya Tan s raz`yasneniyami (Tan lyuj shu i) / Per. i komment. V. M. Rybakova. Czyuani 17–25 [The T'ang criminal regulations with explanations. (T'ang lü shu yi) / Transl. with Comments by V. Rybakov. Chüan 17–25. In Russ.]. St. Petersburg, 2005.

Ugovolny'e ustanovleniya Tan s raz`yasneniyami (Tan lyuj shu i) / Per. i komment. V. M. Rybakova. Czyuani 26–30 [The T'ang criminal regulations with explanations. (T'ang lü shu yi) / Transl. with Comments by V. Rybakov. Chüan 26–30. In Russ.]. St. Petersburg, 2008.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. М. Рыбаков. Первичные действия населения и администрации в случаях совершения правонарушений по законам китайской династии Тан // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 132–145

Аннотация: В статье на материалах китайских источников рассматриваются предписания танского уголовного и административного права, регулировавшие действия населения и гражданской администрации в случаях совершения уголовных преступлений, в первую очередь — сообщение властям о преступлениях, взаимопомощь в случаях, когда кто-либо подвергся насилию, организация преследования и поимки преступников и т. д.

Ключевые слова: традиционный Китай, государство и право, династия Тан, танский кодекс, гражданская администрация, противодействие преступности.

FOR CITATION

V. M. Rybakov. The initial activity of the population and the administration in cases of offences under the laws of the Chinese T'ang dynasty // Petersburg historical journal, no. 3, 2020, pp. 132–145

Abstract: In the article on the materials of Chinese sources are considered the requirements of the T'ang criminal and administrative law, regulated the actions of the population and the civil administration in cases of criminal offenses, first of all – the reports to the authorities about the crimes, mutual assistance in cases where someone was abused, the organization of the pursuit and capture of criminals, etc.

Key words: traditional China, state and law, the T'ang dynasty, the T'ang code, the civil administration, crime prevention.

Автор: **Рыбаков, Вячеслав Михайлович** — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН.

Author: **Rybakov, Viacheslav M.** — Dr. Sc. (History), leading researcher of the Institute of Oriental Manuscripts (Russian Academy of Sciences).

E-mail: Ouyangtsev@mail.ru